Глава 1: Пепел

Пепел падал с неба, как снег, который никогда не растает. Давид шёл впереди, его плащ из грубой ткани был утяжелён свинцовыми пластинами, вшитыми в подкладку. Лия следовала за ним, её маленькая фигура почти терялась в тумане. На её спине болтался рюкзак, набитый консервами, йодными таблетками и странными приборами, собранными из обломков старого мира.

— Пап, — позвала она, поправляя респиратор, — сколько ещё?

— До заката, — ответил Давид, не оборачиваясь.

Он знал, что Лия устала. Но останавливаться было нельзя. Радиация не ждала.

Давид был инженером. До катастрофы он работал на секретном объекте, где изучали радиацию. Когда мир рухнул, он не побежал в панике, как другие. Он начал собирать то, что могло спасти их.

— Свинец, — объяснил он Лие, когда она впервые спросила о странных пластинах в их одежде. — Он отражает радиацию. Не полностью, но достаточно, чтобы мы не сгорели заживо.

Он научил её читать дозиметр — самодельный прибор, собранный из деталей старого телевизора.

— Видишь эти цифры? Если они поднимаются выше 50, мы идём в обход.

Лия кивнула. Она знала правила:

1. Никогда не пить воду без фильтра.
2. Никогда не есть то, что светится в темноте.
3. Никогда не снимать респиратор, даже если нечем дышать.

В их рюкзаках были не только консервы. Давид собирал всё, что могло помочь:

- **Йодные таблетки:** Чтобы защитить щитовидную железу.
- **Бентонитовая глина:** Чтобы выводить радионуклиды из организма.
- **Сушёные травы:** Для лечения ран и укрепления иммунитета.

— Это как химия, — говорил он Лие, показывая, как смешивать глину с водой. — Только без лаборатории.

Давид знал, что радиация — это не монолит. Она имеет свои пики и спады.

— Утром и вечером уровень ниже, — объяснял он. — В полдень — выше.

Он вёл дневник, отмечая маршруты и уровни радиации.

— Видишь эту зону? — показывал он на карту. — Здесь можно спать. А здесь — только быстро пройти.

Лия запоминала. Она знала, что её отец — не просто выживальщик. Он — учёный, который борется с невидимым врагом.

Но даже с его знаниями они не были неуязвимы. Давид носил на ключице шрам в форме спирали — след от ожога радиацией.

— Это было в первые дни, — рассказывал он. — Я думал, что знаю всё. Но радиация учит смирению.

Лия смотрела на него с восхищением.

— Ты спас нас, пап.

— Нет, — ответил он. — Мы спасаем друг друга.

Лие было одиннадцать. Или десять. Давид перестал считать дни после того, как сгорели последние календари.

Они замолчали. Звуки губили быстрее, чем голод. Мир теперь принадлежал жукам в человечьей коже — тем, кто ел плоть, пил радиацию и смеялся над старыми богами. Давид сжимал в кармане обрез. Патронов хватит, чтобы дать Лие время убежать. Он повторял это про себя, как молитву.

Лия внезапно остановилась. Давид обернулся, готовый схватить её за руку, но девочка лишь указала на обочину. Там лежал труп лошади. Вернее, то, что от него осталось: рёбра, торчащие из пепла, словно арка в никуда. Череп был обращён к небу, зубы обнажены в вечной усмешке.

— Ничего, — пробормотал Давид. — Идём.

Девочка кивнула, поправила тряпьё на голове. Её глаза — точь-в-точь как у матери — смотрели сквозь пелену пепла. Иногда ему казалось, что Лия видит то, чего не видит он. Звёзды, может быть. Или конец пути.

К сумеркам они вышли к полуразрушенной церкви. Купол провалился внутрь, словно гигантский палец вдавил его в землю. Давид осмотрел здание: следов костров нет, трупов нет, только ветер гудел в щелях. Он толкнул дверь плечом, и та с скрипом поддалась.

— Жди здесь, — сказал он Лие.

Девочка вжалась в стену, как тень. Давид ненавидел её покорность. Ненавидел, что она не плакала, не просила сказку на ночь, не спрашивала, где мама. Она стала маленьким призраком, бредущим сквозь кошмар, который он для неё создал.

Он обыскал церковь. В углу нашел ржавый ковшик, пустые банки из-под тушёнки, осколок иконы — лик святого стёрся, остались только глаза. Всевидящие. Насмешливые. Давид швырнул осколок в стену.

Возвращаясь, увидел, что Лия сидит на полу, укрывшись платком. В руках она держала книжку — потрёпанную, с обгоревшим корешком. «Астрономия для детей». Откуда? Они же сожгли все книги в бункере…

— Пап, — Лия показала на страницу, где сияли жёлтые пятна на чёрном фоне. — Здесь говорят, звёзды как маяки. Они горят, даже если их не видно.

Давид стиснул зубы. Её голос звучал как скрип несмазанной двери — хрипло, но без страха. Он достал из мешка банку — старые армейские запасы. Шпроты. Лия съела свою половину молча, аккуратно, как делала всё. Давид наблюдал, как она глотает, будто проверяя, не отравлено ли.

Ночью он не спал. Слушал, как Лия дышит под платком. Её дыхание было ровным, как у автомата. Он вспомнил, как она плакала в первые месяцы: «Хочу домой». Теперь домом стал пепел. Матерью — тишина.

— Пап, — вдруг сказала Лия в темноте. — А мы найдём звёзды?

Давид закрыл глаза. Вспомнил жену: она лежала в больнице, кожа слезала с неё, как перчатки, а он обещал, что спасёт Лию. Обещал, что покажет ей чистое небо.

— Найдём, — солгал он.

Пепел за окном кружился в танце мёртвых. Где-то далеко завыла собака. Или ребёнок. Давид прижал обрез к груди и начал считать секунды до рассвета.

Раздел 1.1: Красная пыль

Они сидели у костра, который больше походил на кучу тлеющих книг. Пламя лизало обложку «Капитала» Маркса — толстый том валялся в разорённой библиотеке, куда они забрели на ночлег. Лия тыкала палкой в пепел, рисуя круги.

— Пап, а почему небо не чистится? — спросила она, не глядя на него.

Давид потянулся к рюкзаку, будто ища там слов. Ему не хотелось говорить. Но долгие годы молчания — вот что убивало быстрее радиации.

— Потому что люди решили поиграть с огнём, — начал он. — Там, на севере, был огромный котёл. Как… печка. Только вместо дров там горели атомы.

Он замолчал, наблюдая, как искра взлетает к потолку, где когда-то висела люстра. Теперь там зияла дыра, и сквозь неё сочился пепел.

— Атомы? — Лия сморщила лоб.

— Маленькие-премаленькие звёздочки, — сказал Давид. — Но их нельзя трогать. А люди трогали.

Он взял её палку и нарисовал на полу треснувшей плитки квадрат.

— Вот тут был город. Припять. Там жили те, кто кормил печку. Однажды ночью печка… кашлянула.

Лия притихла. Давид ненавидел себя за то, что делает её соучастницей этих кошмаров. Но она имела право знать.

— Сначала подумали, что туча пройдёт. Но туча была красной. Как ржавчина. Она ела металл. Ела бетон. Ела людей. — Он провёл пальцем по горлу. — А потом начали падать спутники.

— Спутники?

— Железные птицы, которых запустили в небо, чтобы они смотрели за нами. Красная пыль перегрызла им крылья. Они падали, как звёзды. Одна пробила крышу цирка в Москве. Другая — мавзолей.

Лия обхватила колени руками. Её тень плясала на стене, где когда-то висели портреты вождей. Теперь там остались лишь ржавые гвозди.

— Страна треснула, как лёд на реке, — продолжил Давид. — Города стали ловушками. В метро люди ели крыс. В Кремле генералы стреляли в друг друга, потому что телефоны умерли. А красная пыль… она не останавливалась. Переплыла океан. Съела урожаи. Заставила солдат сбросить бомбы на пустыни, которые ещё могли родить хлеб.

Он замолчал, прислушиваясь к скрипу за окном. Ветер? Или что-то иное?

— А мама… — начала Лия.

— Мама верила, что пепел — это наказание, — перебил он. — Говорила, мы забыли, что звёзды — единственные настоящие боги.

Он подбросил в костёр доску с полки. На ней ещё можно было разобрать: «ЛЕНИН». Буквы вспыхнули синим.

— Теперь ты знаешь, — сказал Давид, глядя, как огонь пожирает имя. — Мы убили небо. И оно мстит.

Лия потянулась к рисункам на обгоревшей странице книги под ногами — Большая Медведица, Орион, Млечный Путь.

— Но звёзды же не умерли? — прошептала она.

— Нет, — соврал Давид. — Они просто… ждут.

Где-то вдалеке завыла сирена — ржавый голос мёртвого мира. Давид натянул на дочь одеяло, сотканное из тишины и лжи. Ей хватит времени узнать, что враньё — последнее, что осталось от любви.

Раздел 1.2: Земля и прах

Они шли через лес, которого больше не было.

Деревья стояли голые, как скелеты, пронзающие небо чёрными шипами. Кора слезала лентами, обнажая мякоть, похожую на гниющее мясо. Воздух пах уксусом и мёдом — сладковато-едкий, словно земля переваривала саму себя.

— Не трогай, — хрипло сказал Давид, когда Лия протянула руку к грибу.

Тот пульсировал, как сердце, и сиял бледно-зелёным. Всё, что выжило, стало хищником. Цветы ловили птиц липкими лепестками. Реки текли густой слизью, в которой плавали слепые рыбы с человечьими зубами.

Иногда ночью они слышали рёв. Не зверя. Не машины. Что-то среднее — ржавый вопль металла, смешанного с плотью. Давид называл это «лесными дизелями». Лия представляла чудовищ с шестерёнками вместо рёбер.

Но хуже всего были дожди.

Жёлтые, как моча, они оставляли на коже волдыри. Давид научился предсказывать их по запаху: за час до ливня воздух начинал пахнуть горелым сахаром. Они прятались в бетонных коробках, слушая, как капли разъедают крышу.

— Почему трава красная? — спросила однажды Лия, указывая на поляну.

— Потому что земля истекает кровью, — ответил Давид.

Он не стал объяснять про радионуклиды. Девочке хватило и этого.

Они набрели на танк.

Советский Т-72, проросший в землю, как гриб. Башня была сорвана, ствол

скручен в спираль. На броне цвела ржавчина — оранжевые узоры, похожие на карту распавшейся страны.

— Здесь была граница, — сказал Давид.

— Между чем?

— Между безумием и хаосом.

Он рассказал ей, как это было.

После того как красная пыль съела города, Москва перестала отвечать. Генералы делили то, что осталось, Дальний Восток стал царством контрабандистов, где торговали японскими транзисторами и человечьим мясом, Урал захватили культисты, молившиеся на старые ядерные шахты, Кавказ превратился в лоскутное одеяло из воинственных княжеств.

А потом пришли «чёрные поезда».

Составы без машинистов, гружёные оружием и голодными людьми. Они курсировали по ржавым рельсам, останавливаясь в мёртвых городах. Выжившие называли это «Железным каннибализмом» — поезда пожирали друг друга, чтобы добыть топливо.

— А солдаты? — спросила Лия.

— Солдаты стали пылью, — ответил Давид. — Как все.

Он помнил последний парад на Красной площади. Не людей — манекенов в рваной форме, марширующих под вой ветра. Танки без гусениц. Флаги, которые ели моль.

Они проходили мимо деревень, где дома были сложены из костей. Не человечьих — коровьих, собачьих, тех, кого легче поймать. В озёрах плавала маслянистая плёнка, мерцающая всеми цветами радуги. Лия называла их «ведьмины зеркала».